

ПАМЯТИ АЛЕКСАНДРА БОВИНА

Скончался Александр Евгеньевич Бовин. Скоропостижно, от спазма сосудов. В ночь на 29 апреля. На 74-м году жизни.

Для миллионов (десятков миллионов!) читателей, телезрителей и радиослушателей он был знаменитостью на уровне легенды. Он был человеком, обладающим яркой, запоминающейся внешностью. Личностью, которая четко, а порою даже резко преподносила себя. Для нас, коренных известинцев, Саша быстро стал своим, был принят в строй ветеранов, хотя, по ветеранским меркам, пришел в газету довольно поздно — в 1972 году.

Точнее, не пришел, а был послан — на «почетную» должность политического обозревателя. Послан из аппарата ЦК КПСС, где при Брежневле входил в интеллектуальную элиту, которая готовила «тексты» для генсека и в рамках возможностей, увы, ограниченных, пыталась противостоять «застою». «Известия» как судьба — так определил Бовин перемещение со Старой площади на Пушкинскую в главе «Третья молодость» своей книги воспоминаний «XX век. Как жизнь». Затем последовало назначение послом в Израиль — на грани эпох. Верительную грамоту ему подписал президент СССР Горбачев, а 23 декабря 1991 года Бовин вручал ее в Тель-Авиве.

Он побывал в командировках от «Известий» в 47 странах. Но «тель-авивская», государственная командировка оказалась самой длительной — продолжительностью 5 лет. Широкую известность послу обеспечили его популярность и авторитет как бывшего журналиста «Известий».

АЛЕКСЕЙ GERMAN, РЕЖИССЕР:

«ПОСЛЕ ВСТРЕЧИ С БОВИНЫМ СЕКРЕТАРИ ОБКОМОВ ВЫХОДИЛИ НА УЛИЦУ И ОГЛЯДЫВАЛИСЬ»

— Меня представляли Александру Бовину, но думаю, что при встрече он бы меня не узнал. Я наблюдал за ним вблизи только один раз. Однажды он приехал в Ленинград. И нас, полуразрешенных молодых художников, в том числе и Александра Володина, привели к нему на встречу. Мы разговаривали с ним о волнующих нас проблемах, задавали вопросы, и я помню, как по очереди секретари ленинградских горкомов и обкомов, которые были призваны за нами наблюдать, падали в обморок от тех вещей, которые говорил Бовин в несвободной стране. Он совершенно спокойно заявлял, что у нас нет друзей, поэтому мы дружим с кем попало. Причем и манера говорить у него была прелестно обаятельная. У меня было такое же ощущение, как на просмотре «Мастера и Маргариты» Юрия Любимова, когда я заплакал от того, что, оказы-

Вернувшись в Москву, Бовин не остался в МИД. Он вновь пришел работать в «Известия». Занял свое место за столиком в ресторане Домжура. Он всегда сохранял оптимизм. На вопрос о здоровье Саша отвечал: «Патология в норме». С юмором говорил о своих «титановых» коленках, ограничивавших его мобильность. Но ему не хватало главного — востребованности. Цитата из одного его интервью: «Наверное, я кажусь старомодным. Я не пишу по заказу. Никого не разоблачаю. Меня не интересуют сенсации, сплетни и скандалы. Интересно попытаться понять, осмыслить и объяснить важные политические события, проблемы культуры, человеческие судьбы... Стараюсь рассказывать о том, что может заинтересовать небольшой круг людей, которые не утратили желание думать».

Сидя за домашним письменным столом и компьютером в старом своем известинском кресле, Бовин успел написать интересную, насыщенную документами книгу воспоминаний. Поработал «играющим тренером» — заведующим кафедрой журналистики в Российском государственном гуманитарном университете. По договоренности с нынешним главным редактором «Известий» собирался вернуться в газету «эпизодическими колонками» внештатника...

Дорогой Саша, ты навсегда останешься в нашей памяти и в истории советско-российской журналистики. Глубоко скорбим вместе с твоими родными. Мир праху твоему.

ИЗВЕСТИНЦЫ. КОЛЛЕГИ. ДРУЗЬЯ

вается, можно быть свободным в несвободной стране. А мне-то казалось, что нам раз и навсегда на рот накинута платок. После той встречи с Бовиным все эти секретари обкомов и горкомов выходили на улицу и оглядывались: Ленинград ли это и не произошел ли переворот. А мы радовались тому, что есть люди, такие, как Александр Бовин, которые при любых обстоятельствах остаются свободными и независимыми.

ОЛЕГ ДОБРОДЕЕВ,
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ВГТРК:

«ВСЯ НАША ТЕЛЕЖУРНАЛИСТИКА ВЫШЛА ИЗ БОВИНА»

— Бовин был лучшим телевизионщиком своего времени. Он не признавал телесуфлера и никогда не писал заранее тексты для «Международной панорамы». Он говорил от себя, и то, что он говорил, всегда было действительно интересно и важно в то время, когда образцом тележурналистики была пустая, но внешне складная вязь слов. Потому что содержание было опасно. В этом смысле вся последующая тележурналистика вышла из бовинской «шинели». У него были про-

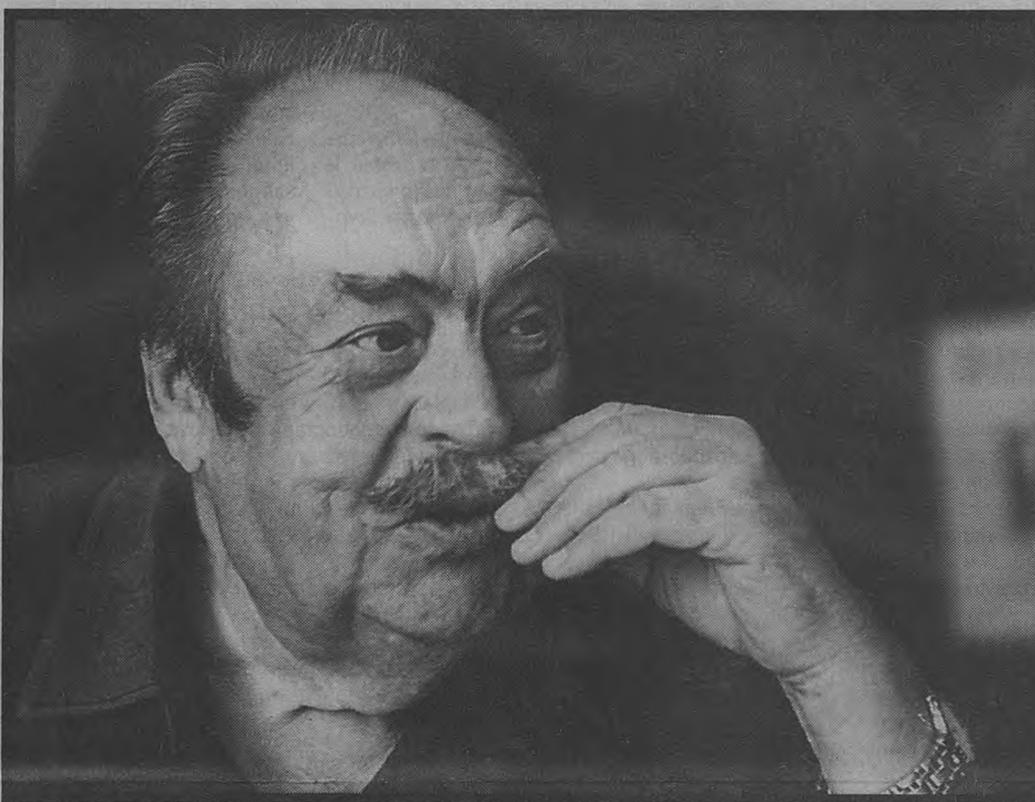

ФОТО: ВИКТОР АХЛОМОВ «ИЗВЕСТИЯ»

УХОДИТ ОТПЕПЕЛЬ

Ушел от нас Александр Бовин — вероятно, самый нестандартный и яркий публицист, вся биография которого складывалась еще в период хрущевской оттепели. Именно в ту пору я пригласил его в группу консультантов отдела ЦК КПСС, которым руководил Андропов. И очень быстро Бовин занял какое-то свое необычное место. Уже тогда ему был присущ этот лапидарный и жесткий стиль, который принес ему широкую известность, когда он перешел в журналистику. Это было в период чешских событий. Ему принесли решение руководства о переводе полито-

бозревателем в «Известия». До этого он показал мне записку, направленную Леониду Брежневу, в которой он писал о плюсах и минусах вторжения в Чехословакию с общим отрицательным выводом. Это и послужило его превращению в журналиста, от которого выиграли и он, и вся общественность. Он поступил так, несмотря на то, что в ту пору его близкий друг и бывший руководитель Георгий Арбатов отговаривал его от этого шага. Но Бовин не посчитался с этим и поступил мужественно, по чувству долга, вероятно, предвидя последствия.

блемы, в конце концов его просто убрали из эфира. Но аудитория и коллеги по цеху всегда любили его и признавали лучшим. Своим. Как профессионала и журналиста, который никогда не учил и был начисто лишен высокомерия. Бовин прошел телевизионную жизнь, не подцепив умножительно-отрицательного отношения к аудитории, к зрителю. Он был и остается один такой.

СЕРГЕЙ СОЛОВЬЕВ, РЕЖИССЕР:

«МЫ ПРОЩАЕМСЯ НЕ С ДОЛЖНОСТЬЮ, А С ЧЕЛОВЕКОМ»

— Как правило, получается, что там, где начинается политика или серьезная общественная деятельность, там же кончается личность и человек превращается в обезличенную машину. Так вот Александр Бовин оставался личностью и в политике, и в общественной жизни. Мы прощаемся не с должностью, а с человеком, и очень грустно, что он ушел из жизни.

Читатели помнят его яркие публицистические статьи, но еще больше его независимые позиции. И по проблемам Ближнего Востока, и по поводу разрядки в отношениях с Западом. Его публицистика также отличалась большим своеобразием и не укладывалась в принятые стандарты. Он стремился к тому, чтобы каждое слово было насыщено смыслом и выражало четкую позицию, имело политический вес и оказывало влияние на принимаемые решения. Я видел, с какой теплотой к нему относились не только русскоязычные друзья, но и официальные лица, когда он был послом в

Александр Бовин родился 9 августа 1930 года в Ленинграде. В 1953 году окончил юридический факультет Ростовского государственного университета, в 1959 году — аспирантуру философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Кандидат философских наук. В апреле 1972 года принят на должность политического обозревателя «Известий». В декабре 1991 года назначен послом в Израиле. В сентябре 1997 года вернулся в «Известия» на должность политического обозревателя. В сентябре 2000 года завершил работу в «Известиях». Награжден: орденом «За заслуги перед Отечеством» III степени (1999 г.), орденом Ленина (1980 г.), орденом Трудового Красного Знамени (1967 г.), орденом Октябрьской Революции (1971 г.).

Израиле. Он очень импонировал необычностью своего дипломатического языка — живого, острого. Александр Евгеньевич успел написать книгу о своей жизни, своей деятельности и особенно выразительно рассказал о людях, с которыми его свела судьба. К несчастью, жизнь его оборвалась до того, как он сумел осуществить мечту, о которой он мне говорил десятки лет назад: написать книгу, которая называлась бы просто «Политика» в подражание Аристотелю, а возможно, с надеждой развить его идеи применительно к нашему времени.

ФЕДОР БУРЛАЦКИЙ

Смерть этого человека закрывает еще одну страницу истории российской журналистики. Александр Евгеньевич Бовин был одной из самых ярких и самых привлекательных фигур в нашем профессиональном мире, его авторитет в кругу коллег был непререкаем, его талант публициста, аналитика, комментатора был не просто умением что-то красиво сказать — это как раз умели многие, за каждым словом Бовина стояло жесткое, строгое знание и беспощадная острая мысль: в конце 60-х годов прошлого века, когда он пришел в журналистику, все это было редкостью, как осталось редкостью и сейчас. Его деланкой была международная журналистика, где особенно пышно расцветали лицемерие и вранье, но Бовину его читатели верили всегда — даже когда он чего-то недоговаривал. Он никогда не врал, хотя никто так и не понял, как это ему удавалось. Но у него было право на собственное мнение — хотя бы потому, что оно у него БЫЛО. Мы склоняем голову перед его памятью.

СОЮЗ ЖУРНАЛИСТОВ РОССИИ

Прощание с Александром Бовиным состоится 2 мая в 11.00 в ритуальном зале ЦКБ по адресу: ул. Маршала Тимошенко, 25